

Северная буря и метель не утихали, железные копыта уже растоптали последнюю заставу столичной округи.

Три тысячи тяжелых всадников шли без знамен и опознавательных знаков, неся впереди лишь Кровавый Указ в качестве штандарта. Это были свитки из шелка, пропитанные человеческой кровью. Налетавший ветер заставлял их извиваться в воздухе, словно бесчисленные обрубленные пальцы в судороге; а слова, казалось, обретали жизнь — извивались, издавали глухой стон и разили прямо в сердца.

— Это армейские архивариусы рода Се!

— Наше продовольствие и жалование разворовали, отец и братья погибли не в бою, их отравили!

— Мы не мятежники, мы живые люди, мы — свидетели, заживо зарытые в землю!

Ворота еще не отворились, императорская стража не сдвинулась с места, а высочайший указ Сына Неба все еще трепетал в воздухе, но принимать его уже никто не смел.

Однако в самом городе простые люди открыли двери.

Старуха несла глиняный кувшин с горячей кашей и протянула его конюшне:

— Сынок, выпей глоток... Твой отец... я знала его. Перед смертью он все вспоминал ту веточку сливы, что вышла твоя матушка.

Ученый муж прибежал босиком, прижимая к груди стопку исписанных углем кровавых писем:

— Генерал! Здесь последние слова ваших отцов и братьев. Я переписал их семь раз, не упустив ни единого иероглифа.

Ребенок встал на цыпочки и вложил в руку всадника горсть земли, смешанной с пеплом:

— Это ваши имена. Я слепил их из букв со стены, я их не забуду.

За городской стеной Цэнь Чжао стоял в простых белых одеждах, без доспехов и венца. Позади него собрались бывшие чиновники старого кабинета министров — все они держали в руках ветхие свитки, лица их были серыми от горя, но никто не отступил назад.

Он не произнес ни слова о войне, не отдал ни единого приказа.

Лишь медленно развернул один из кровавых свитков. Его голос звучал приглушенно, но звенел, подобно колоколу и гонгу, пронзая бурю и метель и достигая самых глубин людских сердец:

— На седьмом году Тяньци три северных лагеря три месяца не получали продовольствия и жалования. Военный инспектор Ли Хуайэнь присвоил армейские припасы и тайно торговал оружием. Воины взмолились о справедливости, но их оклеветали в измене родине. Три сотни голов записали как «павших в бою», а кости зарыли в безымянных оврагах, без могил и имен.

Ветер внезапно стиг.

Копыта коней замерли.

Под железными доспехами кто-то издал тихий стон, похожий на вой дикой собаки, которой переломали хребет.

Затем раздался второй голос, третий...

— Моего отца... напоили ядовитым вином, — семнадцатилетний всадник вдруг соскочил с коня, рухнув в снег и вцепившись пальцами в промерзшую землю. — Перед смертью он сунул мне в руку половину лепешки и сказал: «Не плачь, твоя матушка еще ждет...» А мою матушку еще в прошлом месяце утащили стражники, объявив, будто она «прячет крамольные книги».

Не договорив, он зарыдала в голос.

Три тысячи воинов дружно спешили.

Лязг брони о землю слился с погребальным звоном.

Никто не поднимал клинков, никто не ревел в ярости.

Лишь Кровавый Указ трепетал на ветру, и каждое слово на нем словно плакало.

Се Линь выехал вперед на коне, его черный плащ развевался на ветру, а метка Кровавого Указа на ладони жгла сильнее раскаленного угля.

Он ничего не сказал.

Лишь извлек из-за пазухи последний свиток с кровью. Цэнь Чжао потратил на него семь дней и ночей, изведя последние крупницы жизненной силы, и с помощью бронзовой печати вытянул саму правду из семидесяти двух свитков духов истории в подземном хранилище

Императорского Храма Предков.

Он высоко подбросил свиток в воздух.

Кровавый Указ взмыл орлом в поднебесную высь и рассыпался на тысячу осколков, и в каждом отражалось чье-то лицо: старого солдата, юноши, женщины, слепого ребенка. Все они некогда погибли в тишине, а теперь жили в дуновении ветра.

— Вы не мятежники, — голос Се Линя звучал негромко, но заглушал топот десятков тысяч коней. — Вы — стражи правды.

Ветер подхватил кровавые иероглифы, проносясь над каждым доспехом, над каждым парой покрасневших глаз.

Один старый ветеран вдруг громко рассмеялся глядя в небеса — смеялся сквозь слезы, кашляя кровью:

— Я ждал десять лет... ждал не для того, чтобы оправдаться, а чтобы нашелся хоть кто-то, кто осмелился бы произнести вслух: мы погибли безвинно.

Цэнь Чжао медленно шагнул вперед, бледный как бумага, но уголки его губ тронула улыбка.

Он мягко сжал руку Се Линя. Узор Кровавого Указа на его ладони резонировал с бронзовой печатью у него на сердце, их пульс бился в унисон.

Се Линь повернул голову и посмотрел на него.

— Ты снова ставишь на кон свою жизнь, — хрипло произнес он.

— Нет, — прошептал Цэнь Чжао. — Я ждал, пока ты договоришь последнее слово.

Вдалеке распахнулись дворцовые ворота.

Сын Неба сидел на драконьем троне в полном одиночестве. Его парадные одежды помялись, нефритовый венец перекосялся. В руке он держал только что поданный ему список северных армий — все три тысячи имен были перечеркнуты кистью с красными чернилами, а рядом стояла отметка: «погиб в бою».

Дрожащими руками он принимался заново выводить эти имена одно за другим.

Но чернила еще не высохли, а кровавые иероглифы уже проступили сквозь бумагу, поползли

по императорскому столу, взбежали по его запястьям и впились в глаза.

Он наконец прозрел.

Каждый кровавый иероглиф был стертым с лица земли человеком.

Он вдруг засмеялся — безумно, заходясь слезами и соплями.

— Оказывается... — пробормотал он, и голос его звучал так тихо, что он едва ли слышал самого себя. — У меня не хватило богатства даже на то, чтобы купить армию.

За стенами дворца снегопад прекратился.

Прах Кровавого Указа разлетелся по городу, оседая на кухонных очагах, крышках гробов и детских пеленках.

А Се Линь и Цэнь Чжао стояли плечом к плечу у городских ворот. Позади них замерли на коленях три тысячи воинов, а впереди безмолвной стеной застыли бесчисленные простолудины.

Никто не произносил ни слова.

Ветер трепал белые одежды Цэнь Чжао и касался метки на ладони Се Линя.

Эта печать больше не жгла болью.

Она билась, словно живое сердце.

Цэнь Чжао тихо произнес:

— Ты дописал.

Се Линь устремил взгляд вдаль — на Восточный рынок, некогда обращенный в пепелище, где теперь среди пепла пробивались молодые побеги.

— Нет, — ответил он. — Мы только начинаем.

Поднялся ветер, и кровавый пепел закружился в небесах бесчисленными бабочками.

А глубоко под землей, в подземных чертогах Императорского Храма Предков, медленно шевелились семьдесят два свитка с кровью.

На первом свитке проступил лик Се Линя из прошлой жизни: его казнят обезглавливанием, кровь обагрят страницы истории, но он улыбнется Цэнь Чжао: «Если увидишь это, не плачь, допиши за меня».

На следующем свитке возник силуэт Цэнь Чжао. Он поднял кисть, обмакнул ее в кровь и вывел: «Се Линь, ты сошел с ума, но я пойду с тобой до конца этого безумия».

Духи истории дружно опустились на колени, и их шёпот слился в единый гул:

— Просим тебя взять в руки кисть и продолжить нашу неоконченную жизнь.

<http://bllate.org/book/19340/1891118>